

- ¹⁷ См.: Долгосрочная областная целевая программа «Национально-культурное развитие народов Саратовской области» на 2011–2013 годы : постановление Правительства Саратовской области от 18.10.2010. URL: <http://docs.cntd.ru/document/933015300> (дата обращения: 06.02.2016).
- ¹⁸ См.: Единая Россия` подпишет соглашение с национально-культурными объединениями Саратовской области. URL: <http://region.viperson.ru/articles/edinaya-rossiya-podpishet-soglashenie-s-natsionalno-kulturnymi-ob-edineniyami-saratovskoy-oblasti> (дата обращения: 07.06.2015).
- ¹⁹ Состоялась областная научно-практическая конференция школьников «Народы Поволжья : история, образования, культуры». URL: <http://saratov.gov.ru/gov/news/sostoyalas-oblastnaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-shkolnikov-narod/> (дата обращения: 08.06.2015).
- ²⁰ См.: Долгосрочная областная целевая программа «Национально-культурное развитие народов Саратовской области» на 2011–2013 годы.
- ²¹ См.: Межнациональный конфликт в Красноармейске. URL: <http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=21241.0> (дата обращения: 17.03.2007).
- ²² Прокуратура объяснила конфликт в Пугачеве бытовыми проблемами горожан. URL: <http://ria.ru/incidents/20130730/952947491.html> (дата обращения: 30.07.2013).
- ²³ Конфликт в Пугачеве возник из-за невнимания властей. URL: <http://www.rg.ru/2013/07/30/reg-pfo/genprokuratura-anons.html> (дата обращения: 30.06.2013).
- ²⁴ См.: Участники конфликта у мечети добиваются, чтобы кавказцев судили по статье «экстремизм». URL: <http://www.4vsar.ru/news/40373.html> (дата обращения: 13.09.2013).
- ²⁵ Полиция опровергла информацию о массовой драке в центре Саратова. URL: <http://ria.ru/incidents/20130912/962727754.html> (дата обращения: 13.09.2013).
- ²⁶ См.: В России создана программа оперативного реагирования на межнациональные конфликты. URL: <http://regnum.ru/news/society/2062408.html> (дата обращения: 02.02.2016).
- ²⁷ См.: Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах : материалы конф. (Казань, 2–3 июня 2004 г.) / под ред. А. Малашенко ; Моск. Центр Карнеги. М. : Гендальф, 2005. С. 58.
- ²⁸ Выборы без национализма. Партия советует обойтись без эксплуатации национального вопроса. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/01/25/onf/> (дата обращения: 09.02.2016).
- ²⁹ Там же.

УДК 338

«ОБЛАЧНЫЕ СВОЙСТВА» МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: nikshestov@mail.ru

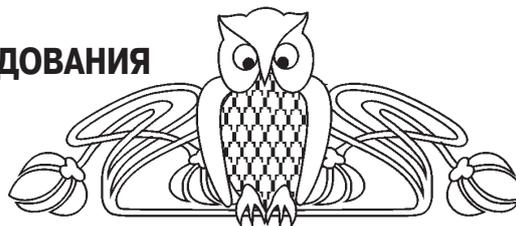
В публикации исследуются конвенциональные основания применения «системного метода» и других методов в современных отечественных политических исследованиях. Анализируются логические и процедурно-технологические аспекты превращения представлений о «системах» и «системном методе», сложившихся прежде в рамках различных конкретных отечественных и зарубежных классических концепций, в представление современных исследователей о существовании и о возможности использования «системного метода вообще».

Ключевые слова: метод научного исследования, методы политического исследования.

«Cloud Features» of Methodology of Modern Political Studies

N. I. Shestov

The article explores conventional base of applying «system method» and other methods in modern domestic political studies. Author analyzes the logical and procedural aspects of the process of transformation of ideas about «systems» and «systematic method», first developed as part of various specific domestic and foreign classical concepts, in view of modern scholars about the existence and the possibility of using «systematic method at all».

Key words: method of scientific research, methods of political studies.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-62-71

Для массового сознания обществ, как в прошлом, так и сегодня, миф является своего рода методологией исследования и познания окружающего мира. Методологией со своими минусами, судя по тому, как замысловато складывается прежняя и нынешняя траектория развития социально-политических систем, но и с плюсами, судя по тому, что большинству современных обществ на протяжении долгого исторического времени удавалось и до сих пор удается посредством манипуляций с историческими и современными мифами поддерживать на устойчивом уровне свою цивилизационную идентичность и потенциал прогрессирования. Наука, за редкими в ее истории исключениями, ценность этой методологии не признает. Она чаще всего трактует социальный миф как заблуждение, порожденное подсознанием человека, его завышенными ожиданиями и необоснованными фобиями.

И противопоставляет ей свои, сугубо научные методы. Когда речь идет о научном методе, то в большинстве случаев имеется в виду, что он мифу альтернативен, что он ключ к истинному знанию о природе вещей в той же мере, в какой миф есть путь, ведущий к знанию ложному. Искренняя вера в то, что ученому (гуманитарию, по крайней мере), что называется, «на роду написано» посвятить свою профессиональную карьеру борьбе с «мифами» за восстановление в массовом сознании сограждан «истины», эта вера, что «истина где-то рядом», играет, безусловно, большую роль в прогрессе знания о прошлом и настоящем обществ и государств.

Эта вера, однако, игнорирует тот факт, что в результате многовековой борьбы науки с мифом и очевидного научно-технического и научно-мировоззренческого прогресса в современном мире влияние мифа на массовое сознание ничуть сегодня не ослабело. Особенно заметно это в тех ситуациях, когда знание о прошлом, об имевших в нем место религиозных и этнических конфликтах, о почти всегда противоречивом опыте государственного развития обществ, о природе их современных интересов, все то, что называется «исторической памятью» человека и социума, становится фактором современных внутрисоциальных и межсоциальных коммуникаций. Можно даже сказать, что это влияние усовершенствовалось. И усовершенствовалось оно не только усилиями СМИ, насаждающих в массовом сознании определенную повестку и формирующих не критическое отношение людей к информации, оценить достоверность которой у них нет никакой реальной возможности. В таком усовершенствовании есть доля участия науки. Не часто, но бывает, что ученые целенаправленно принимают активное участие в создании социально значимых мифов, движимые своими идеологическими приверженностями и своим пониманием гражданского долга. С начала 1990-х гг., например, такого рода направление в научном мифотворчестве активно распространилось по всему постсоветскому пространству. Одним из последних его спелых плодов стала новая официальная концепция украинской этнической и национально-государственной истории. Бывает, что исследователь интуитивно включает социально значимые мифы в свой научный дискурс. Просто потому, что он сам есть существо социальное и не мыслит нормальной коммуникации с согражданами без демонстрации своей причастности социальной мифологии. Все это симптомы периодического участия науки в поддержании мифологического настроения в массовом сознании.

Чтобы такую периодичность реализовать, определенными свойствами должна обладать методология гуманитарного научного исследования. В научном сообществе должна сложиться некая конвенция, как минимум допускающая,

при определенных обстоятельствах, что научные коммуникации осуществляются с использованием того формата подачи информации, который лежит в основании любого мифа и целых мифологий – формата социально значимого/корпоративно значимого стереотипа. По крайней мере, у научной методологии должно быть такое качество, которое не подает исследователю, соучастующему сознательно либо интуитивно в социальном мифотворчестве, поводов к сомнению относительно того, действует ли он в соответствии с требованиями и традициями своей науки, в соответствии с общественно признанными представлениями о науке и научности, наукой ли вообще он занимается. Исследователь может творчески работать, если он полностью уверен в том, что занимается именно научным творчеством.

Такие свойства у методологии современных гуманитарных исследований есть. Для их обозначения можно применить понятие «облачные свойства». Это понятие сегодня пользуется популярностью у специалистов по информатике и интернет-технологиям. Оно в общем плане обозначает ситуацию, когда та или иная информация циркулирует в информационном пространстве, но ее пользователю не известна и не актуальна конкретная ее привязка к тому или иному сегменту этого пространства. Для пользователя эта информация существует как бы «сама по себе», в чистом от связей с конкретными структурами информационного пространства виде. Отсутствие четкого понимания, откуда эта информация взялась, где и как хранится, кто и как эту информацию прежде употреблял и для каких практических нужд, не влияет решающим образом на ее ценность для пользователя.

В этом смысле данное понятие удачно обобщенно характеризует и то качество, которое обнаруживают исследовательские подходы гуманитариев, политологов в частности. Крайний случай «облачного свойства» методологической позиции исследователя – это когда он оставляет читателю возможность самому по отдельным признакам догадываться о том, какой смысл был автором вложен в ключевые понятия политической науки, почему так, а не иначе он определяет свой предмет и объект исследования, свои научные задачи. «Облачность» методологии в данном случае возникает как результат полной уверенности исследователя, что для решения поставленных им конкретных научных задач никакой теоретической конкретики не нужно. По этой логике заявка на научный статус текста сама по себе должна быть для читателя достаточным указанием на то, что автор при его создании осмысленно руководствовался определенными теоретическими установками. Для теоретически подготовленного читателя действительно не представляет большого труда догадаться, какими именно теоретическими представлениями

в своих научных рассуждениях руководствуется автор. Возникает своеобразный консенсус автора и читателя по поводу необходимых и достаточных атрибутов, на основании которых текст может быть отнесен к категории научных текстов. Этот консенсус создает условия для того, чтобы «облачное» состояние методологии воспринималось участниками творческого процесса как один из естественных способов его оптимизации. Реально таковой оптимизации не происходит просто потому, что в структуре научного текста «прозрачно» и конкретно представленная автором методология исследовательской работы играет роль важного (а если взять, например, современные требования ВАК к диссертациям, то решающего) аргумента в пользу достоверности итогового результата исследования. В структуре доказательства, таким образом, весомый аргумент автора замещает читательская догадка по поводу наличия данного аргумента.

Методология исследования приобретает «облачное свойство» также в тех случаях, когда автор научного труда (особенно активно этот прием используют диссертанты) ограничивает характеристику теоретических основ своего исследования простым перечислением используемых им методов. Методы включаются им в перечень под некими общеизвестными в среде специалистов условными названиями – «системный», «сравнительный», «исторический» и т. д. Оправданием для исследователя, таким способом презентующего читателю свою методологию, служит его добросовестная уверенность в том, что труд его предназначен специалистам. А специалисту без дополнительных уточнений по одному только условному обозначению метода и так должно быть понятно, о чем идет речь. Начинаясь исследователями этот прием формального «указания метода» часто воспринимается как добрая научная традиция, не соблюсти которую при написании диссертации, например, значит вызвать «лишние» вопросы со стороны экспертного сообщества.

Проблема в том, что, возлагая большие надежды на аналитические способности специалистов, сам исследователь в этом случае тоже не вникает в суть тех теоретических позиций, которые он заявил в качестве исходных для своего труда. Когда диссертант, работающий над конкретной политологической проблемой, заявляет, что для решения своих научных задач он применил, например, «системный» и «исторический» методы и что их применение обеспечило ему получение нового и достоверного результата исследования, то он чувствует себя уверенно. Так же уверенно, как и любой человек, полагающийся, что действует строго в рамках общепринятой нормы мысли и действия. Как человек, строго следующий правилам профессионального поведения, не осуждаемым большинством специалистов (а по сути, сложившейся научно-корпоративной

мифологии и ритуалистике научной работы), исследователь упускает из виду важный момент. Специалист с хорошей общетеоретической гуманитарной подготовкой всегда может задать ему вопрос: какой именно из исторически известных современной политической науке и достаточно специфических вариантов исторического, либо системного, либо сравнительного методов в данном случае применен? Вариантов на самом деле много и не всегда все они могут быть сведены «под одной крышей» настолько органично, чтобы можно было бы говорить о существовании, например, «системного», либо «исторического», либо «сравнительного» метода как «метода вообще». Какие-то теоретические позиции в отношении возможности политической науки изучать политику как процесс или как систему, которые некогда были заявлены и апробированы в рамках конкретных авторских концепций, будут совпадать. В противном случае для возникновения научно-корпоративного мифа о том, что «облачное свойство» исследовательской методологии это и есть все необходимое и достаточное для успешной научной работы, просто не было бы почвы.

Будет вместе с тем и много принципиально несовпадающих позиций, ставящих под сомнение достаточность «облачного» подхода к методу. Причем (как это ни парадоксально выглядит в свете устоявшихся в современном сообществе отечественных гуманитариев представлений, что прикладное исследование не требует от специалиста детальной работы над теоретическим инструментарием) учет этих позиций особенно важен именно для прикладного исследования. Современная политика высоко динамична. В своем нынешнем демократическом обличье она еще и высокотехнологична. Иначе говоря, она осуществляется, как процесс, в режиме постоянных рекомбинаций набора государственных и общественных институтов, управленческих решений, конфликтов и ресурсов, достаточно стандартного для современных социально-политических систем. Сказать сегодня в прикладном исследовании что-либо действительно качественно новое о функционировании, например, институтов гражданского общества или о тенденциях в изменении политической культуры этого общества, можно только в том случае, если исследователь реализует какой-то новый теоретический ракурс видения данных объекта и предмета. Не обязательно принципиально новый, хотя бы новый в деталях. Именно для прикладных исследований политики в этом смысле важно внимание исследователя именно к тем деталям метода, которые позволяют такой авторский новый ракурс выстроить и тем самым «разойтись» по технологии и по результатам исследования с другими специалистами в данной предметной области политической науки. То же самое относится и к достоверности результата исследования. Именно в прикладном исследо-

вании результат его будет достоверен и практически значим ровно в той мере, в какой сам исследователь способен понять значимость таких деталей для образования нового направления изучения того или иного предмета и соответственно строить свои исследовательские действия.

Вариантов, в которых существуют сегодня методы гуманитарных исследований, много. Это варианты, различающиеся и по предназначению, и по происхождению. Российские политологи любят использовать «исторический метод». При этом не принимается во внимание, что на протяжении последних как минимум трех столетий неоднократно и принципиально менялось представление исследователей о смысле и назначении как самой истории (исторического процесса), так и о способах ее научной интерпретации. Это различие присутствует и в современной теории исторических исследований. Сегодня одни специалисты в России и за рубежом считают оптимально продуктивным формационный метод изучения исторического процесса, другие – цивилизационный, третьи настаивают на необходимости сосредоточить внимание на ментальных основаниях активности людей в минувшие эпохи. Эти исследовательские позиции, заметим, не являются взаимодополняющими настолько, чтобы их различие можно было бы проигнорировать и сказать, что история она и есть история, а «исторический метод» он «исторический метод» и есть. Напротив, это позиции альтернативные и активно конкурирующие в пространстве методологии исторического познания. Соответственно, указание в политологическом исследовании на применение «исторического метода» само по себе не проясняет вопроса о том, каким именно пониманием смысла исторического процесса и каким именно способом раскрытия этого смысла намерен пользоваться исследователь-политолог.

Кроме того, существуют различия в методологии исторического исследования, основанные на способе структурирования предмета исследования: историко-хронологический и историко-проблемный, сравнительно-исторический и историко-биографический, историко-психологический и историко-культурный методы. Приставка к слову «исторический» не простая формальность. Каждый из перечисленных методов подразумевает свой способ адресации исследователем вопросов историческому материалу и свой же способ получения ответов на них. Это интеллектуальные технологии понимания прошлого, но понимания его не «вообще», а в совершенно конкретных измерениях. Наконец, если говорить о генезисе технологий понимания прошлого, есть классический, рационалистический, романтический, позитивистский, неопозитивистский, постпозитивистский форматы научных представлений о нем. Когда в политологическом исследовании автор заявляет «исторический метод», то возникает вопрос: которое из

возможных измерений он в данном случае имеет в виду?

Точно так же много вариантов и у «системного метода» («подхода»). В порядке отступления отметим, что понятия «подход» и «метод» исследователи часто используют как взаимозаменяемые. Например, «структурно-функциональный подход» и «структурно-функциональный метод», «системный подход» и «системный метод». Разница смысла у этих понятий, как представляется, все-таки есть. Такая же разница, как между намерением человека что-либо сделать и его возможностью осуществить задуманное. «Подход» – это интеллектуальная технология решения научной задачи, которая существует в формате теоретического опыта развития науки. Она существует в пространстве научного знания независимо от того, нравится она конкретному исследователю, считает ли он ее необходимым для науки инструментом или нет. Это способ теоретизирования, которым некогда успешно пользовались многие наши предшественники на научном поприще и который они усовершенствовали настолько, что сегодня воспользоваться им под силу любому современному исследователю. Когда этот теоретический опыт прилагается исследователем к конкретному научному предмету, тогда «подход» становится «методом», т. е. авторской интерпретацией ранее известных науке принципов и способов проведения исследовательских процедур, адаптированной к свойствам конкретного предмета авторского научного исследования.

Что касается «системности», то она была и остается одним из основных критериев научного характера любого знания. В разные эпохи в разных областях научного знания рождались концепции, которые по-разному, в русле разных мировоззренческих парадигм и в соответствии с требованием «метод должен соответствовать предмету» трактовали сам принцип системности. Эти концепции по-разному представляли то, к чему можно или нельзя этот принцип приложить в предметном поле науки. Естественно, что сегодня, как это было и в прошлом, этот интеллектуальный опыт не может восприниматься однозначно исследователями, стоящими на разных мировоззренческих и научных позициях. Как отметил один из участников VII Всероссийского конгресса политологов (ноябрь 2015 г.): «Современный этап характеризуется критикой “системного подхода”». Исследователи, ориентированные на использование идей Маркса, критиковали “системный подход” в науках об обществе за отказ от исследований общественных конфликтов, за фиктивность идеологической нейтральности “научной позиции” ученых в условиях капиталистического общества, за отказ от “нормативной политической теории” в политических исследованиях. Странники Вебера критиковали “системный подход” за искажение

исходных идей Вебера, развитием которых был «системный подход» Т. Парсонса. Речь шла о понимании бюрократизации как рационализации в качестве конфликтного исторического процесса, а не как «эволюции общества»¹.

Упомянутые дискуссии отражают реальную теоретическую проблему. Суть ее в том, что в научном сообществе существует понимание основного момента: «системность» исследовательских ракурсов и дискурсов есть то основание их научности, которое желательно, чтобы было более-менее единым для всего пространства современной науки. Это причина появления концепций, претендующих на формулирование именно таких «единых» представлений о системности в окружающем мире природы и человеческих отношений и требований к соблюдению системности в научном исследовании природы и общества. Можно в связи с этим понять и происхождение уверенности многих современных политологов в том, что заявлением об использовании некоего «системного метода вообще» они только повышают градус научности своего исследования. Сама же наука вместе с тем устами своих ведущих специалистов по проблемам научного метода предлагает различные (порой до противоположности) объяснения того, что есть «система» в природе и обществе, каково ее устройство и посредством каких научных принципов и категорий это устройство может быть охарактеризовано.

Есть, например, теория систем Л. фон Бергаланфи, ссылаясь на труды которого любят отечественные политологи. В ряду не менее «любимых» классиков «системного метода» фигурируют имена К. Поппера и Д. Истона, Т. Парсонса. И у каждого из этих классиков современной политической науки свое, иногда не совмещающееся с прочими, понимание и толкование того, что есть «система», как она устроена и какими правилами должна руководствоваться наука при ее характеристике. Причем различие касается не частных, а понимания теоретиками самой сути феномена системной организации чего-либо.

Для Л. фон Бергаланфи фундаментальным понятием «общей теории систем» было понятие «иерархического порядка». Он утверждал: «...в рамках «системного подхода» существуют и механистические, и организмические тенденции и модели, пытающиеся познать системы либо с помощью таких понятий, как «анализ», «линейная (включая круговую) причинность», «автомат» и т. д., либо при помощи понятий «целостность», «взаимодействие», «динамика» и им подобных. Эти два типа моделей не исключают друг друга и даже могут использоваться для описания одних и тех же явлений. <...> Общая теория иерархического порядка, очевидно, будет важнейшей составной частью общей теории систем. <...> Некоторые понятия, модели и принципы общей

теории систем, такие как иерархический порядок, прогрессирующая дифференциация, обратная связь, системные характеристики, определяемые теориями множеств и графов, и т. д., широко применимы к материальным, психологическим и социокультурным системам; другие, как, например, понятие открытой системы, определяемой обменом веществ, ограничены определенными подклассами систем»².

У австрийского биолога и философа, следует заметить, наверняка вызвало бы возражение словосочетание «системный анализ», достаточно популярное в описаниях методологий современных политических исследований. «Применение аналитических процедур, – писал по этому поводу Л. фон Бергаланфи, – требует выполнения двух условий. Во-первых, необходимо, чтобы взаимодействие между частями данного явления отсутствовало или было бы пренебрежимо мало для некоторой исследовательской цели. Только при этом условии части можно реально, логически или математически «извлекать» из целого, а затем «собирать». Второе условие: отношения, описывающие поведение частей, должны быть линейными. Только в этом случае имеет место отношение суммативности, т. е. форма уравнения, описывающего поведение целого, такова же, как и форма уравнений, описывающих поведение частей; наложение друг на друга частных процессов позволяет получить процесс в целом и т. д. Для образований, называемых системами, т. е. состоящих из взаимодействующих частей, эти условия не выполняются. <...> Методологическая задача теории систем, таким образом, состоит в решении проблем, которые носят более общий характер, чем аналитически-суммативные проблемы классической науки»³. Для Л. фон Бергаланфи фактически «система» – это и свойство окружающего нас мира, и свойство нашего научного знания об этом мире. Причем для точных, естественных и гуманитарных наук качество «системности» знания будет различаться в зависимости от специфики «системности» предмета этих наук.

У известного специалиста по проблемам научного познания К. Поппера другое понимание данного теоретического предмета. Для него, как он сам пишет об этом в работе «Логика и рост научного знания»⁴, реальны и достойны обсуждения в плане организации и функциональности именно «теоретические системы». Он не считал возможным и необходимым распространять представление о системности на реальные процессы общественной жизни, включая политические процессы в прошлом и настоящем. Уже потому, что, как он об этом пишет в трактате «Нищета историцизма», «вера в историческую необходимость является предрассудком, и предсказать ход истории с помощью научных или каких-то иных рациональных методов невозможно»⁵. Это, образно выражаясь, напоминание

об осторожности, сделанное самим австрийским и британским философом в адрес российского политолога, который вознамерился бы опереться в разработке методологии анализа реальных политических процессов и институтов на авторитет К. Поппера как классика «системного метода» и с позиции попперовских представлений о «системности» сформулировать свои оценки прошлых и прогнозы будущих состояний реального политического процесса.

Д. Истон в реальности политических систем не сомневался, как и в том, что их можно и нужно изучать в динамике. Как утверждает современное справочное издание, «основной вклад Истона в политическую науку связан с адаптацией и применением принципов и методов системного анализа к изучению функционирования политических систем, а также с исследованием проблем политической социализации»⁶. В то же время, если обратиться к знаковой работе американского политолога, посвященной категориям системного анализа⁷, заметна специфика «системности» его размышлений о способе исследования «политических систем». Его размышления о «системности» относятся более к способу определения предмета исследования (как и какие вопросы исследователь может и должен адресовать функционирующей политической системе), чем к способу получения ответов на эти вопросы. Точнее сказать, известная истоновская метафора «черного ящика», все связи между субъектами и их взаимными отношениями в котором остаются непознаваемыми для исследователя, извне этого «ящика» наблюдающего за ходом политического процесса, это и есть образно высказанное автором, но вместе с тем достаточно конкретное предложение относительно того, какими соображениями и принципами должен руководствоваться политолог в ходе поисков ответов на свои вопросы. Политолог, понимающий состояние политической системы как предмета своего исследования на истоновский лад, должен быть готов к тому, что в ходе «системного анализа политической системы» он никаких полноценных ответов на свои вопросы не получит и никакого конкретного нового системного знания о политике не приобретет. В лучшем случае он обоснует и сформулирует еще несколько возможных вопросов, которые вслед за Д. Истоном адресует «политической системе».

Есть, наконец, специфическое и достаточно функциональное, с точки зрения задач прикладного политического исследования, понимание «систем» и «системности исследования» известным советским философом, медиком и политическим деятелем первой четверти XX столетия А. А. Богдановым (Малиновским), которое он изложил в своей работе «Тектология. Всеобщая организационная наука». А. А. Богданов утверждал: «Было бы мало пользы для практики и теории, если бы дело свелось к философскому по-

ложению: “все есть организация”. Для практики и для теории нужны и важны методы. Вывод по отношению к ним ясен: “все методы суть организационные”. Отсюда задача: понять и изучить все и всякие методы как организационные. Это может быть большим шагом вперед, но при одном условии – чтобы организационные методы поддавались научному обобщению. Если бы организационные методы в одной области были одни, в другой – другие, совершенно с ними не сходные, в третьей – третьи, например, в организации вещей, т. е. в технике, не имеющие ничего общего с методами организации людей, т. е. экономики, или организации опыта, т. е. мира идей, то овладеть ими стало бы несколько не легче оттого, что все они будут обозначены как организационные. Совсем иное, если по исследованию окажется, что между ними возможно установить связь, родство, что можно подчинить их общим законам. Тогда изучение этой связи, этих законов позволит людям наилучшим образом овладевать этими методами и планомерно развивать их и станет самым мощным орудием всякой практики и всякой теории»⁸.

Эта пространная цитата наглядно демонстрирует принципиальное расхождение позиций Д. Истона и А. А. Богданова в самом, может быть, принципиальном вопросе – вопросе научной познаваемости строения и функционирования политической системы и возможности управления ее динамикой. То понимание свойств «системы», в том числе политической, как «организационных» свойств (а значит, свойств конструируемых, управляемых и научно познаваемых), которое было присуще А. А. Богданову, и те трактовки «политической системы», которые предложил Д. Истон, и то понимание иерархических начал системности, которое было у Л. фон Берталанфи, все это по отдельности имеет научный смысл и ценность интеллектуального опыта и может послужить исходным теоретическим материалом для конструирования какой-либо авторской методологии современного политического исследования.

По крайней мере, это естественный способ избежать весьма распространенного эффекта «подвисания» авторской методологии, сконструированной современным исследователем по «облачному» принципу. Такое «подвисание» обнаруживает себя, когда, например, в научном тексте имеется ссылка на высказывание конкретного классика, или ряда классиков, о системах. Но из ссылки не понятна мера корреляции этого высказывания/высказываний со свойствами именно той реальности, которую исследователь намерен проверить на предмет наличия в ней системности. Не понятно и то, насколько смысл высказывания соответствует тем вопросам и научным задачам, которые исследователь сам для себя сформулировал. Другой вариант «подвисания», когда автором в научном тексте изложены

некие «общие принципы и правила системного анализа». Читателю остается гадать: из перечня, представленного автором, всеми или только некоторыми правилами и принципами обнаружения и изучения «системности» в научном предмете он намерен руководствоваться по ходу своей исследовательской работы?

Вместе с тем практический смысл в таком дифференцированном подходе к использованию наработок классиков научной мысли в методологии политического исследования будет присутствовать, если исследователь понимает причину принципиальных различий в позиции классиков. Им «облачность» представлений о методе как раз не была свойственна. Они стремились к конкретности и потому каждое свое теоретическое суждение о «системах» и «системности» соотносили с фактами, хорошо известными науке их времени. И судя по фактам, взятым из разных областей точного, естественного и гуманитарного знания, они хорошо понимали сложную структуру и гигантский масштаб того предмета, по поводу которого теоретизировали. Не хуже, надо думать, понимали они и невозможность для себя как для специалистов в конкретной области научного знания «подняться над предметом» настолько, чтобы было возможно целиком и до конца охватить его научным взглядом. Даже если речь идет о таком частном случае «системности» окружающего нас мира, каковым выступают «политические системы». То, что в дискурсе Д. Истона, например, вопросы относительно сути и свойств «политической системы» доминируют в сравнении с ответами, это в данном смысле закономерно. Он предлагал адресату своей публикации, упомянутой выше, взглянуть на динамику политических систем с такой «высоты» теории, при которой практически невозможно увидеть те «мелочи» функционирования «политических систем», которые, собственно, эту динамику и определяют и которые выступают основным предметом исследования в прикладных политологических трудах. Д. Истон в этом смысле осознанно или нет, но, как исследователь, теоретизировал добросовестно, вполне согласовывая масштабы своего предмета и метода.

В интересах образовательного процесса можно, конечно, не акцентировать внимание на этих принципиальных различиях в понимании классиками научной мысли особенностей организации природных и общественных «систем», а также «системности» метода научного исследования последних. Для учебных целей «облачного» представления об этом предмете, возможно, действительно достаточно. В курсе «Методы политического исследования», например, можно просто кратко сообщить слушателю, какие концепции каких авторов современная политическая наука признает классическим изложением «системного метода», и кратко пересказать основную суть понимания «системы» и «системно-

сти» каждым из классиков. Можно действовать иначе. Составить, например, «универсальный» перечень свойств «системы вообще» и сопроводить его столь же «универсальным» набором требований к «системному анализу вообще»⁹. И сопроводить все это оговоркой, что, в принципе, такой «универсальный» теоретический подход уместен и в политическом исследовании. Сконструировать своего рода «миф о методе», действительно в известном смысле оптимизирующий образовательный процесс. Другое дело, что из сферы политологического образования этот научный миф естественным порядком перетекает в сферу уже собственно исследовательских практик. И он укореняется там настолько, насколько он прочно сидит в головах людей с вузовскими дипломами политологов. Научный процесс имеет свою динамику, и в этом смысле можно говорить об «облачности» как характеристике того «исходного положения» методологии политической науки, в каком ее застают и любой исследователь, вступающий на научную стезю, и которое его профессиональное образование заставляет его считать нормальным.

«Облачное» представление современных исследователей о «системном методе» (в отличие от представлений классиков, стремившихся оставаться в границах науки) больше апеллирует к обыденной логике человека, далекого от науки. Логика незатейливая: если один за другим классики научной мысли предлагают каждый свою версию теоретического описания «систем вообще», стало быть, они знают, о чем говорят, и эти самые «системы вообще» где-то существуют в реальности. Это логика, для которой несущественно принципиальное различие между объектом и предметом научного исследования, когда объект существует в реальности, а предмет конструируется исследователем объекта в зависимости от того, с какой стороны он на этот объект смотрит. В этом смысле исследователь может сконструировать «систему вообще» как предмет своего теоретического интереса, но это не делает обязательным существование «систем вообще» в реальности. Этого обстоятельства данная логика не учитывает.

С другой стороны, современный политолог попадает под обаяние очевидности и фундаментальности научной традиции, с которой он себя ассоциирует как член научной корпорации. Им движет естественный интерес к обретению, сохранению и публичной демонстрации своей организационной связи с корпоративным «мифом» своей науки. Любая наука основана на интеллектуальной традиции, воплощением которой являются мысли классиков теории. Если классики сказали некогда о неких всеобщих свойствах неких «систем вообще», то в размышлении по поводу сказанного ими практического смысла будет ровно столько же, сколько в размышлении над практическим смыслом какой-либо обще-

ственной традиции. Традиция потому и традиция, что будет существовать и управлять нами вне зависимости, размышляем мы сегодня над ее смыслом или нет. В свое время тот или иной классик «системного метода», возможно, всего лишь предположил существование неких общих для всех систем либо для группы систем организационных и функциональных свойств. Возможно, он даже привел свою аргументацию правомерности этого предположения, которая с точки зрения современного состояния научного знания может быть и небесспорной. Но если научная корпорация признает это предположение «классическим» вкладом в теорию, то оно приобретает статус традиции данной науки. И уже следующие поколения исследователей апеллируют к нему не как к предположению, лишь отчасти доказанному, а как к очевидному доказанному факту теории. Факту, игнорировать который и не руководствоваться которым нельзя, не подвергая риску свои претензии на статус ученого.

По одной из научных традиций эти следующие поколения исследователей начинают воспринимать имена классиков научной мысли как символические маркеры тех или иных теорий, из которых состоит фундамент данной науки. Это уже имена теорий, а не живых людей, их создавших. Поэтому классиков обычно потомки лишают права на ошибку, естественного для живого человека. И даже если суждения двух классиков по одному научному предмету друг другу противоречат, то правыми потомки все равно признают обоих и ссылаются на авторитет обоих в подтверждение своих собственных мыслей. А классик науки тоже человек, и он мог искренне полагать, что создал универсальную теорию, тогда как на деле создавал теоретическую конструкцию, обладающую выраженным конвенциональным свойством. Иначе говоря, теорию, которая легко приобретает свойства классики благодаря наличию в научном сообществе достаточного большого числа исследователей, готовых прямо поддержать претензии ее создателя на универсальность теоретических построений, а также тех, кто проявляет интерес к критике данной теории и тем самым *de facto* поддерживает в научном сообществе отношение к ней как значимому факту в научно-исследовательском процессе.

В исповедании исследователем «облачного» отношения к «системному методу» и многим другим методам политической науки и в признании экспертным сообществом такого отношения вполне допустимым есть определенный прагматизм. Взять на вооружение в качестве методологии своего творческого труда какую-либо из конкретных классических версий «системного метода», созданных в минувшем столетии (не говоря уже о версиях, созданных значительно раньше), это во многих случаях означает столкнуться с трудноразрешимой (особенно при недостаточ-

ной теоретической подготовке) проблемой. Ведь многие прежние конвенции апологетов и критиков какой-либо классической версии «системного метода», например, имеют тенденцию со временем устаревать. Просто потому, что общий взгляд научного сообщества на многие предметы становится принципиально иным, его определяет иная научная парадигма либо иная научная ситуация. Для современного исследователя, в том числе прикладника, это означает, что он сам должен поработать над приведением старых теорий в соответствие со своими новыми предметами исследования и новыми требованиями, которые научное сообщество предъявляет к сфере методологии. А это не всегда просто по объективным причинам. Общий смысл понятия «политическая система», например, не изменится от того, что политические системы современной Европы оказываются под давлением неконтролируемых ими миграционных потоков из стран «третьего мира», деформирующих их качество. Вместе с тем такого рода деформации делают затруднительным для исследователя рассуждения о структуре и динамике современных политических систем развитых европейских стран в духе, например, истоновского «системного подхода». И сегодня остается непонятным, в каком направлении двигаться исследователю европейских политических систем, намеревающемуся усовершенствовать уже упомянутую теоретическую модель Д. Истона в соответствии с новыми условиями и рисками функционирования политических систем развитых стран.

Либо он может поступить так, как поступают многие исследователи, столкнувшиеся с упомянутыми трудностями совершенствования теории, а именно сформулировать основные теоретические позиции методологии своего исследования настолько «облачно», что их связь с какими-либо конкретными научными концепциями и какими-либо конкретными обстоятельствами развития политической науки и политики как ее предмета перестанет быть очевидной. И тогда никто не сможет упрекнуть автора нового политологического труда в том, что его исследование опирается на старые теоретические основания.

«Облачное» отношение исследователей к теоретическому основанию своих трудов возникло, заметим, не сегодня. Советскую науку в свое время здорово подвела традиция оперировать ссылками на «методологию марксизма» и на «марксистско-ленинскую диалектику» вообще, не имея в виду при этом ничего конкретного из того общего и различного в суждениях о политике, что есть в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, В. И. Ульянова и других европейских и российских «марксистов». Эта привычка к «облачной» презентации публике методологии политических исследований послужила главным аргументом для либеральных

критиков опыта советской политической науки, которые обвиняли ее в отсутствии в ней какой-либо научности, в идеологичности и мифологичности. В том, в частности, что в методологии своих исследований советские политологи опираются на корпоративный миф о существовании некоего «марксистского метода вообще», и это их убеждение не совпадает с тем, что конкретно говорили отдельные классики «марксистской теории». Упрекнуть себя в том же методологическом прегрешении, в приверженности к «облачной» презентации методологии у современных исследователей-гуманитариев почему-то не получалось и не получается. На данное обстоятельство чаще всего просто не обращают внимания и не придают ему принципиального значения.

Возможно, так происходит потому, что развитие политической науки в постсоветской России происходило в методологических условиях, по смыслу сильно напоминающих советские. Только роль источника готовых теоретических решений для практической политики и политической теории вместо концепций классиков марксизма стали играть концепции классиков либерализма и неолиберализма, а также отчасти консерватизма и неоконсерватизма. За два последних столетия западная либеральная и неолиберальная политическая мысль накопила действительно богатый арсенал теорий и интерпретаций на все случаи модернизации политической жизни по ее канонам. Из этого арсенала отечественные исследователи имели предельно широкую и поощряемую политическим руководством страны возможность черпать объяснения на все случаи «либерализующейся» и «демократизирующей» российской политической жизни. Для любого достижения или просчета пресловутого «демократического транзита» России западная политологическая классика предлагала набор готовых теоретических решений. Кому из отечественных гуманитариев, наряду с «научным социализмом», не был мил «западный» либерализм, те получили не менее широкую возможность черпать готовые теоретические решения из глубокого колодца отечественной либеральной и консервативной мысли.

Это была благоприятная среда для возникновения в политической науке новых конвенций по поводу методологической ценности «не советских» теорий. Своеобразной конвенцией общества отечественных политологов на этот счет стало такое состояние методологии как теоретического, так и прикладного политологического исследования, при котором научная методология больше напоминала поминальный церковный синодик. В одном и том же «обязательном» порядке «поминались» великие представители научной мысли от Аристотеля и Платона и до какого-либо современного классика

либеральной или же консервативной мысли. Сложилась своего рода конвенциональная «облачная» технология имитации фундаментальности научной методологии в политологическом исследовании, имеющая выраженную тенденцию к трансформации в научную традицию. Пока для отечественной практики политических исследований она приемлема и удобна. Как была она прежде удобна для советской политической науки. Отличие той методологической ситуации от нынешней, в сущности, не так велико. Претензии постсоветского российского общества и его политической элиты к достижениям советской политической науки были обусловлены тем, что общество и элиты с достаточной четкостью определились со своим отношением к стратегии социалистического строительства, с пониманием, что «так жить нельзя». Сегодня общество и элита не имеют той меры определенности своего отношения к стратегии либерального строительства (к ее дальнейшему развитию в рамках нынешней государственной «политики модернизации» либо ее сворачиванию), которая позволяла бы им поставить перед отечественной политической наукой конкретный вопрос о корректности тех теоретических инструментов, посредством которых были достигнуты в последние годы не все, но многие результаты творческой работы исследователей политики. Проблема в том, что при нынешней высокой динамике российского и мирового политических процессов измениться нынешняя, относительно комфортная для политических исследований ситуация может в любой момент.

Примечания

- ¹ *Зиновьев А. О.* Возвращение «государства и права» в исследовании политики и изучение политических идеологий // Политическая наука перед вызовами современной политики : материалы VII Всерос. конгресса политологов (Москва, 19–21 ноября 2015 г.) / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М. : Аспект-Пресс, 2015. С. 240–241.
- ² *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования : ежегодник. М. : Наука, 1969. С. 30–54. URL: http://grachev62.narod.ru/bertalanffy/bertalanffy_2.html (дата обращения: 19.10.2015).
- ³ Там же.
- ⁴ См.: *Поппер К.* Логика и рост научного знания. Избранные работы : пер с англ. М. : Прогресс, 1983. URL: <http://skepdic.ru/wp-content/uploads/2012/11/popper.pdf> (дата обращения: 03.12.2015).
- ⁵ *Поппер К.* Нищета историцизма (31. Ситуационная логика. Историческая интерпретация). URL: <http://e-libra.ru/read/349105-nisheta-istoricizma.htm> (дата обращения: 23.10.2015).
- ⁶ *Истон Дэвид* // Политология. Словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1221/%D0%98%D1>

%81%D1%82%D0%BE%D0%BD (дата обращения: 03.12.2015).

⁷ См.: *Истон Д.* Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М., 1997. Т. II. С. 630–642. URL: <http://read.virmk.ru/i/Iston.htm> (дата обращения: 01.12.2015).

⁸ *Богданов А.* Тектология. Всеобщая организационная наука (§2. Единство организационных методов). URL:

<http://www.e-reading.by/book.php?book=81713> (дата обращения: 04.12.2015).

⁹ См., например: Системный подход как общенаучный метод. URL: <http://www.bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-4/95.htm> (дата обращения: 04.12.2015) ; Системный метод исследования. URL: http://www.f-mx.ru/sociologiya_i_obshhestvoznaniye/sistemnyj_metod_issledovaniya.html (дата обращения: 04.12.2015).

УДК: 321.02.001: (477.75) «312»

ПРОФЕССИОНИЗМ ПОЛИТИКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМУ

П. В. Кузьмин

Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: cf_university@mail.ru

Автор рассматривает теоретическое значение политического наследия для выявления сущности и содержания профессионализма политика, вскрывает трудности и противоречия процесса профессионализации политической деятельности в современном Крыму.

Ключевые слова: политика, политическая деятельность, профессионализм политика, профессионализация деятельности политика.

Professionalism of a Politician: Theoretical Aspects and Practice of Political Activity in Contemporary Crimea

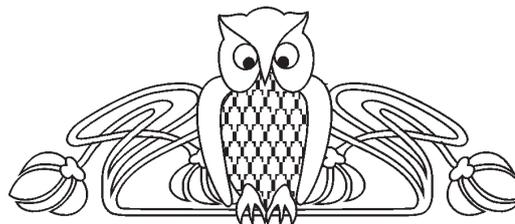
P. V. Kuzmin

The author shows theoretical and practical significance of political legacy to identify the nature and content of a politician's professionalism, and reveals the difficulties and contradictions of the professionalization process of political activity in contemporary Crimea.

Key words: politics, political activity, professionalism of a politician, professionalization activity of a politician.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-71-77

Профессионализм политика относится к числу актуальных проблем на протяжении многих столетий. В современных условиях данная проблема актуализируется потребностью дальнейшего обеспечения и укрепления суверенитета страны, социальной и государственной стабильности, достойного уровня жизни людей. Одним из условий достижения этих целей является выработка и реализация политического курса, учитывающего интересы Российского государства и общества в условиях тотальной глобализации мира. Это важнейшая функция политического руководства страны, сообщества политиков национального и регионального уровней и требует

от них высокого профессионализма, подлинного служения своему народу.

Для политиков Республики Крым проблема обеспечения профессионализма их деятельности вытекает из необходимости оптимально решать и решить сложные, нестандартные задачи во всех сферах жизни крымского общества. На первый взгляд, это обычные задачи – обеспечение населения водой, качественной медицинской помощью, строительство дорог, развитие промышленности и сельского хозяйства, превращение Крыма в привлекательный регион туризма и отдыха миллионов людей и т. д. На самом деле такие задачи будут решаться впервые за несколько последних десятилетий развития республики. Их выполнение потребует не только значительных финансовых ресурсов (федеральные органы России необходимые ресурсы дают), но и высокого профессионализма политиков, как на уровне руководства и членов Правительства Крыма, депутатов Государственного совета Крыма, так и на уровне местного самоуправления.

Проблема профессионализма в политической деятельности волновала не одно поколение мыслителей, философов и политологов разных стран. Так, Платон в диалоге «Политик», рассуждая о сущности политики, отмечал, что это искусство, требующее глубоких знаний и умений управлять людьми: «Это одно из сложнейших и самых труднодостижимых умений. Его надо понять для того, чтобы знать, кого следует отделить от разумного государя из тех, кто делает вид, что они политики, и убеждает в этом многих, на самом же деле вовсе не таковы»¹.

Другой древнегреческий мыслитель, Аристотель, в своих произведениях «Никомахова этика», «Большая этика», «Политика» освещает различные стороны деятельности и профессионализма политика. Он пишет, что основополагающим признаком этой деятельности является политичность, выражающаяся в том, что политик имеет дело с общественными интересами, властью, управлением. Его предназначение –